

Круг чтения в юности

Читать Иосиф научился очень рано, едва ли не в четыре года. Мать поэта рассказывала, как в Череповце в 1943 году вошла в комнату и застала трехлетнего сына с книгой в руках. Она взяла посмотреть, что за книга. Оказалось, Ницше, «Так говорил Заратустра». Она вернула ребенку книгу, но вверх ногами. Иосиф тут же перевернул ее в правильное положение. Это было рассказано не к тому, что он в трехлетнем возрасте увлекался Ницше, а к тому, что каким-то образом получил представление о буквах. Как и все дети и подростки в стране поголовной грамотности до начала массового распространения телевидения, читал он много. В сочетании с живым от природы воображением знания, полученные из книг, позволяли юному читателю ориентироваться в странах, эпохах и культурах. Иерархии, навязываемые школьной программой, вызвали протест, рудиментом которого остались ироническое отношение ко Льву Толстому (как «главному писателю» в официальной иерархии), равнодушие к Некрасову и Чехову. Толстому Бродский противопоставлял не только горячо любимого Достоевского, не включенного в советскую школьную программу той поры, но и Тургенева. У Тургенева он любил «Записки охотника», в особенности рассказы «Гамлет Штигровского уезда», «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова». Тень детского иконоборчества лежит на отношении Бродского к Пушкину, хотя центральную роль Пушкина в русской культуре он никогда не оспаривал. «В школе мы читали „Горе от ума“ и „Евгения Онегина“ в лицах. <...> Для меня это было большое удовольствие. Одно из самых симпатичных воспоминаний о школьных годах»⁹². Последнее написанное им в жизни письмо посвящено рассуждению о пушкинской прозе⁹³. Он знал наизусть много стихотворений Пушкина и всего «Медного всадника». О строке из «Воспоминания»: «И с отвращением читая жизнь мою...» – говорил, что из нее вышли Достоевский и вся русская проза. И все же Бродскому всегда хотелось скорректировать традиционное русское преклонение перед Пушкиным указанием на других прекрасных поэтов той же плеяды – Батюшкова, Вяземского, Катенина и в первую очередь Баратынского. Он знал и любил поэзию XVIII века – от Кантемира и Тредиаковского до Державина и Карамзина. Были у него и пристрастия во втором ряду русской литературы XIX века – например роман Вельтмана «Странник» и мемуары Елены Штакеншнейдер.

После русской и мировой, то есть в основном западноевропейской, классики, впервые прочитанной бессистемно в детстве и подростковом возрасте, основной круг чтения молодого Бродского составляла литература периода модернизма, главным образом переводная, интерес к которой среди молодежи во второй половине пятидесятых годов был очень велик. Это поколение жадно наверстывало упущенное за десятилетие жестокой культурной изоляции в конце сталинского правления. Передавались из рук в руки уцелевшие

91 Из поэмы Михаила Луконина «Рабочий день» (цит. по антологии: Русская советская поэзия. М.: Художественная литература, 1954. С. 695).

92 *Интервью 2000*. С. 150. Там же. С. 133: «Любой автор, берущийся за перо в Ленинграде, сколь бы молод и неопытен он ни был, так или иначе ассоциирует себя с гармонической школой, имя которой дал Пушкин».

93 См. *Труды и дни*. С. 21-24.

от чисток казенных и домашних библиотек книги: изданные до революции труды Ницше, Бергсона, Фрейда и вышедшие в СССР до войны романы Олдоса Хаксли, Джона Дос Пассоса, Луи Фердинанда Селина, ранние романы и сборники рассказов Хемингуэя, «Волшебная гора» Томаса Манна, эпопея Пруста, поэтические антологии «Французские лирики XIX и XX веков» в переводах Бенедикта Лившица⁹⁴, «Поэты Америки. XX век» Михаила Зенкевича и Ивана Кашкина, «Антология новой английской поэзии» Д. С. Мирского⁹⁵, номера журнала «Интернациональная литература» с главами из «Улисса». Выход этого журнала под русифицированным названием «Иностранная литература» возобновился в 1955 году. В нем, наряду с прозой, печаталась и переводная поэзия, которая привлекала особое внимание юного Бродского. Многие его стихи ученического периода написаны верлибром, весьма редким в русской поэзии, но обычным на страницах «Иностранной литературы». Русская модернистская проза (Белый, Замятин, Бабель, Пильняк) была для него неприемлема стилистически, а в случае Розанова и этически. Существенными исключениями были вновь открытый как раз в то время Андрей Платонов – его Бродский считал одним из главных писателей двадцатого века – и Зощенко. Несколько позднее он узнал и высоко оценил прозу Леонида Добычина, Анатолия Мариенгофа (роман «Циники») и в особенности Константина Вагинова. Уже начиная с осени 1961 года у него появилась возможность знакомиться с труднодоступными произведениями русских писателей-эмигрантов в библиотеке самиздата, собранной молодым ученым С. С. Шульцем (фотокопии, машинописные перепечатки книг и отдельных вещей из парижского журнала «Современные записки»). Там были все русские романы Набокова, проза и стихи Цветаевой, Ходасевича, Г. Иванова. В библиотеке Шульца были также переводы пьес Беккета, Ануя, проза Кафки⁹⁶.

Может показаться странным, но знакомство с высоким модернизмом в русской поэзии (Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Хлебников, обэриуты) началось для Бродского не в юном возрасте, когда складываются литературные вкусы, а позже, в первой половине шестидесятых годов, когда он уже был активно пишущим поэтом. Исключение составляла Цветаева, чьи поэмы – «Поэма горы», «Поэма конца», «Крысолов» – он прочел в самиздатских перепечатках в самом начале шестидесятых. Цветаева сразу же произвела на него сильное впечатление и на всю жизнь осталась для него поэтом *par excellence*⁹⁷.